Кира Малинина

История про человека, с которым случилась история.

«Что я могу сказать. Я могу только что-нибудь сообщить».
А. Введенский

Действующие лица:

ПЕТР
НАТАША
СОСЕДКА
СОСЕД
ДВОЕ МУЖЧИН
МУЖЧИНА В КОЖАННОМ ПЛАЩЕ

Сцена 1.

Поздняя осень. Вечер. Комната в малосемейке. Полутьма. Петр из разбросанных на полу пупсов мастерит что-то на маленьком столике. Петр гору кукольных тел подсвечивает фонарем - на стене мы видим нечто бесформенное, сужающееся к верху. .

Петр приделывает фонарик к стулу (получается это не сразу - фонарик падает), затем в этом свете корректирует конструкцию.

Звонок в дверь.

ПЕТР замирает. Решает не открывать.

Звонок в дверь.

ПЕТР на цыпочках подходит к двери. Смотрит в глазок.

НАТАША. Людка, открывай.

ПЕТР тихонько отходит. Стук в дверь.

НАТАША. Открывай, я знаю, что ты дома.

ПЕТР, демонстративно шаркая, вновь подходит к двери, открывает.

ПЕТР. А это ты?
НАТАША. А Людка где?
ПЕТР. Там.
НАТАША. Где?
ПЕТР. В деревне, к маме с дочкой поехала.

Пауза

НАТАША. А когда вернется?
ПЕТР. Недельки через две.

НАТАША. А я вот колонки (передает)
ПЕТР. Ага.

Пауза. Неспешно уходит, возвращается.

НАТАША. А что ты делал?
ПЕТР. Я? Картошку жарил.

Пауза.

НАТАША При свечах?
ПЕТР. При свечах?
НАТАША. Я когда подходила, в окне свет такой тусклый, будто свеча горит.
ПЕТР. Фонарик проверял.
НАТАША. А мне как раз фонарик для дачи нужен. Покажи свой.

Пауза. ПЕТР сомневается.

ПЕТР. Сейчас, подожди тут *(сует ей в руки колонки).*

Уходит в комнату, в темноте отсоединяет фонарик от стула.

НАТАША *(из коридора).* Ты сам?
ПЕТР. Что?
НАТАША. Дома никого?
ПЕТР. Никого.

Наташа с колонками заходит. Ставит их на пол у входа.

НАТАША *(включает свет).* А что ты тут в темноте возишься?

Петр в следующую секунду после включения света будто бы случайно, падая, разбивает рукой свои конструкции.
Пауза. Наташа осматривает комнату.

НАТАША. Хорошо у вас тут, уютненько.
ПЕТР. Малая раскидала, не успел убрать.

Садиться на диван.

НАТАША (будто бы продолжая). Диван хороший.
ПЕТР. Вот фонарик.
НАТАША. А как он включается?

ПЕТР щелкает кнопкой включения, свет фонаря ослепляет Наташу, она жмуриться.

НАТАША. А свет выключи. А то так непонятно.

ПЕТР выключает свет. Наташа подходит к нему, берете его руку с фонарем, светит перед собой, в сторону, на Петра, представляет себя секретным агентом.

НАТАША. А ничего, для одинокой женщины, блуждающей в ночи – самое то.
ПЕТР *(включая свет).* На радио рынке – самые дешевые.

Пауза. Петр молча собирает игрушки в коробку. Наташа вертит в руке фонарик, Петр, поглядывая на него, мысленно прощается с ним.

НАТАША. Ну че там, картошка готова?
ПЕТР. Будешь, да?

Наташа кивает, ПЕТР уходит на кухню, не успев собрать всех пупсов. Возвращается со сковородкой.

НАТАША. Остыла уже.

Наташа ест молча. Звонок в дверь.

НАТАША (*напряженно).* Ты кого-то ждешь?

ПЕТР встает, чтобы открыть. Наташа хватает его за руку.

НАТАША. Может, сделаем вид, что нас нет?

Звонок звенит еще раз. ПЕТР идет открывать. За дверью – соседка с ребенком.

СОСЕДКА. Я ваша соседка напротив, позвонить надо.
ПЕТР. Да, вот, пожалуйста (*указывает на телефон, висящий в коридоре).*

Соседка быстрым шагом проходит мимо телефона в комнату, садиться на диван. ПЕТР идет за ней, садиться рядом, некоторое время молчат, ПЕТР пристально на нее смотрит, протягивает телефон.

СОСЕДКА. Что мне делать?

Пауза.

СОСЕДКА. Меня убить хотят.

Пауза.

СОСЕДКА (*членораздельно)* Меня хотят убить.
ПЕТР. Убить?
СОСЕДКА. Вы что не поняли?
ПЕТР. Вас хотят убить.
СОСЕДКА. Именно! Они по балкону лезут.
ПЕТР. Они?
СОСЕДКА. Они хотят нас убить, а квартиру отобрать.
ПЕТР. Наверное, надо вызвать милицию.

Пауза

СОСЕДКА. Нет, я не могу, понимаете, мой муж иранец, нам все завидуют. И это бандиты, они преследуют нашу семью, понимаете? Я не могу звонить в милицию – они все там повязаны.
ПЕТР. И что же делать?
СОСЕДКА. Пойдите, посмотрите, что там. Пойдите, пойдите… ну пойдите.

ПЕТР, сомневаясь, уходит. Возвращается за ножом, снова уходит. Соседка впадает в крайнюю задумчивость, отдает ребенка Наташе, принимается есть картошку. ПЕТР возвращается.

ПЕТР. Все.
СОСЕДКА. Что все?
ПЕТР. Проверил – чисто.
СОСЕДКА. Нет никого?
ПЕТР. Нет, все закрыто, тихо, спокойно.
СОСЕДКА. А балкон?
ПЕТР. И балкон, и снаружи, и внутри.
СОСЕДКА. Форточки?
ПЕТР. И форточки.
СОСЕДКА. Точно?
ПЕТР. Точно.
СОСЕДКА. Хорошо, я тогда пойду.

Уходит. Петр садиться рядом с Наташей.

НАТАША. Поешь.
ПЕТР. Поем.

Петр замечает, что сковородка стоит на исписанных листах, достает их, осматривает повреждения, смахивает прилипшую крошку картошки, хочет отложить в сторону. Наташа хватает их.

НАТАША. Ой, а это что? Стихи?
ПЕТР (выхватывает). Нет.

Пауза.

НАТАША (*ест).* Ты знаешь, я Катьке не верила, но ты, правда, какой-то ты совсем нелюдимый стал в последнее время.
ПЕТР. А что она говорила?
НАТАША. Говорила, что нелюдимый ты стал в последнее время.
ПЕТР. Именно в последнее время? Так и сказала?
НАТАША. Именно так, в последнее время. И картошка у тебя остыла *(кладет вилку в сковородку).*

Пауза.

ПЕТР (*протягивает ей листы).* Там ничего интересного.
НАТАША. Да что мне твои листы? *(берет их, внимательно читает, говорит не отрывая глаз от листов*) Мне, может, интересно, чем ты живешь, чем дышишь, о чем душа твоя болит? Что тут написано, не разберу?
ПЕТР. Елка.
НАТАША. Интермедия что ли? *(кладет листы под себя).*
ПЕТР. Нет, спектакль.
НАТАША. А расскажи о чем, я твой почерк все равно не разберу.

Звонок в дверь. Петр идет открывать.

СОСЕД. Я фильм посмотрел. Там маршал. Он загнал лошадь, а потом застрелил. Ночь. Темно. Поле. Краев не видать. Лошадь лежит и тяжело так дышит. И тут он стреляет. И второй там тоже герой был, ранили его, но он того спас, хотя и обиделся. Но сердце у человека доброе, сразу видно. И такая уверенность, знаешь, как стена. Вот это я понимаю – кино.
ПЕТР. Сейчас, подождите тут.

ПЕТР уходит в комнату. Сосед идет за ним. ПЕТР роется в шкафу, достает видеокассеты, выбирает.

СОСЕД *(входя в комнату).* Да, давай все! (*замечая Наташу)* О, пардон, мадам, тет-а-тет, ферштейн *(заигрывающее берет картошину из сковородки, съедает).*

ПЕТР выгребает все, отдает ему стопку.

СОСЕД. И сигареткой угости, последнюю скурил.

ПЕТР роется в карманах, достает пачку, в которой 4 сигареты. Сосед берет свободной рукой две.

СОСЕД. Ну, по-братски. *(Наташе)* пардон, мадам, мерси боку.

Уходит. ПЕТР закрывает за ним дверь.

НАТАША. Может, поешь?
ПЕТР. Поем.

Пауза.

НАТАША. Так о чем это твоя елка будет?
ПЕТР. Спектакль, а не елка.

Звонок в дверь.

НАТАША. Ты что каждый раз будешь эту дверь открывать?

ПЕТР идет открывать. Соседка с ребенком на руках, проходит в комнату и сразу садиться на диван. ПЕТР спокойной входит за ней.

СОСЕДКА. Документы на квартиру я тут оставлю, пусть у вас полежат *(быстро запихивает папку с документами под покрывало лежащее на диване).*

Запихнула, села на это место, поерзала, достала.

СОСЕДКА. Мне нужно надежное место, чтобы они не нашли.
ПЕТР. Кто?
СОСЕДКИ. Как кто?
ПЕТР. Бандиты?
СОСЕДКА. Да все! Где у вас тут надежное место?
ПЕТР. Наверное, шкаф.
СОСЕДКА. Шкаф? нет, шкаф, его видно сразу. Лучше бы предложили за картину запихнуть.
ПЕТР. Запихните за картину.
СОСЕДКА. Нет, ее после шкафа тоже сразу видно.
НАТАША. Можно спрятать в бочок унитаза.
СОСЕДКА. Дура, идиотка, там же мокро!
НАТАША. В целлофан обернем.
СОСЕДКА. Где целлофан твой?

Наташа достает какой-то пакет из коробки с игрушками, вытрушивает оттуда содержимое (какие-то недошитые платьица), дает пакет СОСЕДКЕ. Она плотно заворачивает документы, идет искать туалет. ПЕТР за всем этим наблюдает.

СОСЕДКА. Сделано.

Звонок в дверь. Петр направляется к двери. Соседка его останавливает.

СОСЕДКА *(полушепотом).* Вы что? У меня ребенок, не открывайте!
ПЕТР. Это, наверное, сосед.
СОСЕДКА. Нет, это бандиты!

Звонок в дверь.

СОСЕДКА (*громко*). Мы не собираемся вам открывать, убирайтесь!

ПЕТР быстрым шагом идет в комнату. Что-то ищет, останавливается глазами на исписанных листках, по-прежнему находящимися под Наташей. Выдергивает их, перебирает, прячет в шкаф. В комнату входит соседка.

СОСЕДКА. Пойдите, посмотрите, есть там кто. Мне домой надо.
ПЕТР. Пойдите и посмотрите.
СОСЕДКА. Нет, это я вам говорю: пойдите и посмотрите.
ПЕТР. Я не могу.
СОСЕДКА. Я больше не могу, у меня ребенок.
ПЕТР. Я морально неустойчив.
СОСЕДКА. Глупости, вы – мужчина, а я с ребенком.

ПЕТР молча идет проверять, возвращается.

ПЕТР. Чисто, идите.
СОСЕДКА. Хорошо, я тогда пойду.

СОСЕДКА уходит, ПЕТР возвращается в комнату, садиться на диван.

НАТАША. Ты говорил, что стал нелюдим.
ПЕТР. Это я говорил?
НАТАША. Да, говорил. Картошку будешь? Правда, она остыла (*ест).*
ПЕТР. А что еще я говорил?
НАТАША. Хотел мне рассказать все, что на душе у тебя, что за тоска тебя гложет, что за горе тебя убивает. Быть может, тебе чего-то не хватает в жизни? Все это ты мне хотел рассказать.
ПЕТР. Да, я вспомнил. Я думал про Веру. Почему собаку зовут Верой? Я это нормально не могу понять.
НАТАША. Какую собаку?
ПЕТР. В пьесе.
НАТАША. В Елке?
ПЕТР. Мне надо понять для спектакля, почему собаку зовут Верой? Ведь не потому, что собаки верные? Это слишком просто. И к тому же она разговаривает. И к тому же стихами. При этом ходит кругами. Все это я нормально не могу понять.

Звонок в дверь. ПЕТР направляется к двери

НАТАША. Опять?

Входит СОСЕДКА с ребенком на руках, проходит в комнату.

СОСЕДКА. Отдайте мои документы на квартиру! Думали забрать мою квартиру, да ? Мой муж иранец, не просто там, вот так. Зависть. Отдайте мои документы. Где вы их прячете? В шкафу *(открывает шкаф, роется там, выбрасывая вещи, а сначала листы с заметками ПЕТРА)?* За картиной *(сдвигает картину, оттуда падают какие-то маленькие сверточки)*? Куда вы их спрятали? я вас спрашиваю? Не заставляйте меня нервничать! у меня ребенок!
ПЕТР. В сливном бочке.
СОСЕДКА. Там же мокро!
НАТАША. Они в целлофане.

СОСЕДКА убегает в туалет. Возвращается с намокшими документами.

СОСЕДКА. Вы их намерено намочили!
НАТАША. Вы плохо их в целлофан завернули.
СОСЕДКА. Идиотка, дура, это была твоя идея засунуть их туда.
НАТАША. Это самое надежное место. Моя бабушка там всегда водку от деда прятала. Я от чистого сердца.
СОСЕДКА. Я не позволю вам, от чистого сердца, да. У меня муж иранец, у меня ребенок.

Уходит. ПЕТР закрывает дверь. Звонок в дверь. ПЕТР открывает.

СОСЕД. Так я не понял, это ты течешь мне тут?

Сосед отодвигает Петра, проходит к туалету.

ПЕТР. Что течет?
СОСЕД. Не что, а откуда?
ПЕТР. Откуда?
СОСЕД. С сортира твоего. Вся побелка в сраку. Думаешь, кассетами меня заткнуть можно? Да срал я на них. Был тут один, из ваших – балерун, как вечер, так он скачет, коняга. Люстра ходуном ходит. Штукатурка падает. Ре-пе-ти-рует. Падла. И ты туда же? *(заходят в туалет)* Ну, где вода? я тебя спрашиваю, где вода?

ПЕТР открывает кран, вода течет, закрывает, снова открывает, снова закрывает.

СОСЕД. Да не эта, а на полу.
ПЕТР. Тут сухо.
СОСЕД. Сам вижу, не дурак. Спрашивается, откуда у меня она взялась?
ПЕТР. Откуда?
СОСЕД. С потолка. А потолок у меня – тут. А тут что? Ничего.
ПЕТР. Ничего.
СОСЕД. В этом-то и беда. Ремонт в жопу, а пизды кому?

Пауза.

СОСЕД. Сигаретку хоть дай.

ПЕТР достает пачку, в ней 2 сигареты. СОСЕД забирает одну. Уходит. Петр закрывает за ним дверь. Заходит в комнату, собирает листы, пересматривает, кладет на стол.

НАТАША. Картошка совсем остыла. Поешь?
ПЕТР. Поем.

В конце коридора слышны шаги. Петр и Наташа замирают, прислушиваются. Шаги останавливаются в середине длинного коридора, открывается дверь, закрывается, тишина. Продолжает молча есть.

ПЕТР. Надо сделать вид, что мы ушли. Я чувствую, она скоро вернется.
НАТАША. Куда пойдем?
ПЕТР. Никуда. Только сделаем вид.

Молча идут в коридор, одеваются.

ПЕТР *(вдруг исполняет второй куплет песни Л. Федорова «Весна», манерой пения создает атмосферу веселого застолья).*
«Вдруг музыка гремит
Как сабля о гранит.
Все открывают дверь
И мы въезжаем в Тверь.
Не в Тверь, а просто в зало,
Наполненное елкой.
Все прячут злобы жало,
Один летает пчелкой…».
Смейся, смейся.

Наташа натужно смеется. Выходят, закрывают дверь, идут по коридору.

ПЕТР *(будто бы рассказывая какую-то анекдотическую историю).* Другая мотыльком над елки стебельком, *(тихо, Наташе)* громче смейся, а третий камельком, четвертая мелком.

Все это время Наташа смеется. Шумно выходят на улицу. Тут же, стараясь никак себя не выдать, возвращаются.
Одна из дверей, в тот момент, когда они проходят мимо нее, резко открывается, весь проем занимает мужчина средних лет в кожаном плаще на голое тело. Наташа и Петр останавливаются, смотрят на мужчину, а он, соответственно, на них. Они надеются, что мужчина их не выдаст. Мужчина надеется, что они не покинут его еще несколько минут. Убедившись, что они неподвижны и сосредоточены, он многозначительно, вдумчиво и негромко читает стих С. Есенина, что-то про родину, например: «Запели тесаные дроги…».
Пауза. Мужчина также внезапно, но аккуратно закрывает дверь. Петр и Наташа проходят дальше. Заходят в комнату Петра.

ПЕТР. Не включай свет. Нас тут нет.
НАТАША. Нас нет. А вино есть?
ПЕТР. Шмурдяк.
НАТАША. А закусить?
ПЕТР. Картошка.
НАТАША. Она остыла.

Звонок в дверь. ПЕТР и НАТАША затихают. Звонок в дверь. Долгий звонок в дверь. Стук ногою в дверь. Постоянный стук ногою в дверь.

ПЕТР (*порываясь открыть*). Она не успокоиться.
НАТАША. Оставь.
ПЕТР. Дверь слабая *(идет открывать).*

Открывает дверь, в комнату вбегает соседка с ребенком.

СОСЕДКА. Вы что с ума сошли? Я вам звоню-звоню, стучу-стучу, почему вы мне не открывали? Вы что не понимаете, что нас убить могут?!
ПЕТР. Бандиты?
СОСЕДКА. Они мне окно разбили. Позвоните сестре, пусть приедет, заберет нас. Она все знает. Позвоните, говорю вам *(сует ему в руку бумажку с телефоном*).
ПЕТР. Позвоните сами.
СОСЕДКА. Я не могу – у меня ребенок. Вот телефон ее. Надя. Нам нельзя тут ночевать, нас убьют. Пусть приедет, она все знает. Позвоните и скажите: «Нам угрожает смертельная опасность». Я забыла документы *(выбегает).*

ПЕТР не закрывает дверь. СОСЕДКА вбегает.

СОСЕДКА. Позвонили сестре?
ПЕТР. Нет еще.
СОСЕДКА. Чего вы ждете? от каждой секунды жизнь зависит.

ПЕТР звонит.

ПЕТР. Надя? Надю позовите. Надя, да? Вашей сестре и племяннику угрожает опасность.
СОСЕДКА. Смертельная.
ПЕТР. Смертельная. Приезжайте скорее, заберите их. Хорошо (кладет трубку). Она за городом, будет не скоро, сказала ждать.
СОСЕДКА. Мы у вас побудем, если надо будет – заночуем. Картошка еще осталась?
НАТАША. Она остыла.

СОСЕДКА ест, НАТАША смотрит, ПЕТР просматривает свои записи.

Сцена 2

В этой сцене режиссер получает полную свободу действий, которой должен воспользоваться, опираясь, прежде всего, на чувство ответственности пред драматургом, потом на голос своей совести, затем разума, только после этого на полет фантазии и материальные средства. Второй сцены может и не быть. или же это может быть небольшой отрезок времени, когда ничего не происходит (сцена при этом пустует). Начиная с этой сцены и далее – СОСЕДКА появляется без ребенка.

Сцена 3

В это сцене ПЕТР произносит горячий монолог перед собравшимися вместе другими персонажами пьесы. На диване теснятся Наташа, Соседка с ребенком, Сосед. Двое Мужчин и Мужчина в кожаном плаще стоят.

Главная мысль монолога заключается в том, что нужны новые формы и что он – Петр, их носитель, что нужно отражать реальность как есть, а не развлекать публику. Что правда – жестока и смысл жизни в ней и т.д.. Это очень современный монолог и проблемах и задачах современного театра. Из монолога должно стать понятно одно: Петр – честный человек и хочет славы. Вот часть этого монолога:

ПЕТР. Нужны новые формы. Старые мы износили, исказили. Старые, они уже стерты, сперты. Как воздух случается, бывает сперт. В одной комнате душной (*указывает на кого-то*) человек, человек и еще несколько сидят, дышат, а окна закрыли, заделали крепко. Сидят, экспериментируют. И тут же простая физика навстречу к нам. Ну а как же! Пространство-то ограничено. День прошел, другой – кислород весь выдышали. Что осталось? Вот я и спрашиваю: разве другие станут этим

дышать? Разве это не пример использования или угнетения? Это все просто, как мама и папа. По слогам. Объяснять тут не надо. А вот вы на меня смотрите, и тут что происходит? Чудо. Понимаете? Именно, чудо! И театр – это чудо. А чудо каждый раз – другое. Поэтому и нужны новые формы. И вот это не цитата, не фигура речи, это правда. Как есть. Время идет, у поэтов там течет, а по мне так вытекает к ебеням. Мне тридцать с гаком, под сороковник честно говоря, я начинающий режиссер уже 15 лет. И все тут уже понятно. Мне уже ничего не надо, доказывать что-то там, объяснять. Вот не надо уже мне этого, спасибо, наелись, до свидания. А вот время требует свое. А свое у нее – новые формы. Старые не работают, понятно? Смысл тот же, а стену побелили. То есть внутренность осталась, а тесто объели. Слепить новый пельмень, но как? Пельмень – это же традиция. Это культура. Как его по-другому? И чтоб на вареник не был похож? Вот задача искусства, понимаете? Я же вам по-простому все объясняю, чтоб понятно, без лишних слов. Потому что запутаться легко. Сюжетов-то много. А как свой найти? Не тот, который нравится, который пиздат сам по себе, а свой. Вот так жил человек, историй было много, а самая его – про мщение оказывается. А он ведь что? Жил себе и не знал ничего. Думал, что любит, а вышло – мстит. А другой, думал всю жизнь мстит, а оказывает, на самом-то деле – прощения просил и плакался. Вот и весь театр. В жизни легко выдавать одно за другое, в театре – хер! Театр – все обнажает, делает очевидным. Потому что театр что? Он время останавливает, понимаете? И вот эта пьеса она такая. Она про то, что сейчас. Хаос. Внутри, вовне, всюду. И вот в этом вовне главное понять что? Что виноват не кто-то там третье-десятое, а то, что внутри. Все ведь связано. Все начинается в каждом из нас. Хаос – это как смерть. И смерть, тут казалось бы: какая еще смерть вообще? Елка, Рождество, радость! Ан нет! Но в этом-то и смысл! Тут переход происходит. Т-р-а-н-с-ф-о-р-м-а-ц-и-я. А Рождество – тут же все понятно, зачем еще это объяснять? Все, что должно умереть - умрет, и хаос отступит. Но сейчас мы тут, в нем. Сидим, экспериментируем. Но тут важно что? Увидеть, что это совсем еще не светлое будущее, это хаос. Еще хаос.

Сцена 4

Дочитывает последнюю фразу пьесы «Елка у Ивановых».

ПЕТР. «Что ты говоришь. Вот видишь, человек простонародный, а своего добился. Боже какая печальная у нас елка (Падает и умирает). Конец 9 картины а вместе с ней и действия, а вместе с ним и всей пьесы. На часах слева от двери семь часов вечера».

Петр откладывает исписанные листы.

ПЕТР. Здесь все понятно. Объяснять не буду. Роли выбирайте себе сами.
НАТАША. Я хочу быть Соней, но она мертва. Голова отдельно, а тело само по себе. И мы иногда разговариваем.
СОСЕДКА. У меня отсутствует талант. Я могу быть собакой. У нее немного слов, столько же действий.
СОСЕД. Я – все: и отец, и мать, и, быть может, нянька.
МУЖЧИНА В КОЖАНОМ ПЛАЩЕ Я врач. Я поплыл в лодке по грибы, по ягоды *(поплыл).*
ПЕТР (*Двум мужчинам в гражданском).* А вы кто?
ДВОЕ МУЖЧИН. А мы лесорубы. Приносим в семью радость, рубим елки. Отвечаем невпопад, все потому что мы немы.
ПЕТР. Все, можем начинать. Импровизируйте.

Все неподвижно стоят, переглядываются.

ПЕТР. Здесь надо сыграть хаос, понимаете?

Все неподвижно стоят, переглядываются.

ПЕТР. Я вам сейчас включу музыку.

Включает музыку. Затемнение.

Сцена 6

ПЕТР, СОСЕДКА и НАТАША сидят на диване.

СОСЕДКА. Что там? Время прошло?
ПЕТР. Немного.
НАТАША. Битый час ждем.
ПЕТР. Еще есть время. Подождем.

Пауза.

ПЕТР. У меня горит голова, а также лицо.
НАТАША. Да, это так, ты совсем красный.
СОСЕДКА. Мне это не нравится. Мне это кажется подозрительным.
НАТАША. Ничего страшного. Это пожар души.

НАТАША выливает ему в лицо стакан воды.

ПЕТР. Меня тошнит.
НАТАША. Это понятно. Жизнь непереносима.
СОСЕДКА. Мне это не нравится. Мне это кажется подозрительным. Плесни ему в лицо воды.

НАТАША берет тот же стакан, повторяет жест, но воды уже нет.

ПЕТР. Лучше было бы заснуть.
СОСЕДКА. Я бы поела, но картошка остыла.
НАТАША. Да, к сожалению, она остыла.
СОСЕДКА. А ты мне нравишься.
НАТАША. Я его приятельница.
СОСЕДКА. Ты думаешь, я – сумасшедшая?
НАТАША. Я хотела бы остаться с ним наедине.
СОСЕДКА. Подозрительно тихо все.
ПЕТР. А чего мы ждем?
НАТАША. Это нам неизвестно.
СОСЕДКА. Как же? Известно чего – помощи извне.

Некоторое время сидят молча. СОСЕДКА встает, уходит. ПЕТР не идет за ней. Хлопает дверь. Входит СОСЕД, садиться на диван.

СОСЕД. Вауля, мадам, шершеляфам *(рукой берет ломтик картошки, съедает)*
НАТАША. Я женщина недоступная, если вы об этом.
СОСЕД. Се ля ви, мне б сигаретку.

НАТАША смотрит на ПЕТРа, который сидит неподвижно, уставившись в пол. НАТАША пихает ПЕТРА в бок.

СОСЕД. Мне б сигаретку.

ПЕТР молча достает пачку, отдает. СОСЕД открывает – там последняя сигарета. Пауза.

СОСЕД. Зер гут! *(Читает на пачке)* Курение – убивает (*забирает последнюю, отдает пустую пачку*). Будьте здоровы, мерси.

Петр сжимает пачку, бросает на пол. СОСЕД уходит. Хлопает дверь.

НАТАША. Может, поешь?

Хлопает дверь. В комнату входят двое мужчин (похожих между собой, внушительного вида). Что происходит в это самое время с Наташей нам неизвестно.

ДВОЕ МУЖЧИН (строго). Вам плохо?
ПЕТР. Вы кто?
ДВОЕ МУЖЧИН. Мы вам поможем.
ДВОЕ МУЖЧИН (строго). Что у вас тут?
ПЕТР. Вы кто?
ДВОЕ МУЖЧИН. Мы из органов. Мы не любим повторят вопросы: что у вас тут?
ПЕТР. Картошка. Стол. Пьеса
ДВОЕ МУЖЧИН. Эта информация бесполезна. Нам нужны факты.
ПЕТР. Я понять не могу. Вы кто?
МУЖЧИНА №1. (ВТОРОМУ). Он мне не нравится. Он подозрительный.
МУЖЧИНА №2 (ПЕРВОМУ). Голос его мне неприятен.

Входит СОСЕД. МУЖЧИНА №1 бьет ПЕТРА. ПЕТР падает.

ПЕТР. Вы меня ударили.
МУЖЧИНА №1. Наша цель оправдывает средства.
МУЖЧИНА №2. В этом нет ничего примечательного.
МУЖЧИНА № 1. Бейте его, коллега, он заслуживает наказания.
ПЕТР. Что вы творите? Меня нельзя бить. Это незаконно.
МУЖЧИНА №1. Мы творческая единица.
МУЖЧИНА № 2. Мы сейчас на твоих глазах.
МУЖЧИНА № 1 На твоих конечностях.
МУЖЧИНА № 2 На твоих бесконечностях
МУЖЧИНА № 1 На твоем немытом полу
МУЖЧИНА № 2. Творим закон

Бьют Петра.

ДВОЕ МУЖЧИН.
Творим, творим, вытворяем.
Человек здесь лежит ударяем.
Он вполне невменяем.
Мы его умиротворяем.
И раз, и два, и три
Летят буквари
Кто в школе учился
В ком ум сочился
Лежит на полу
Превращаем в юлу
И раз, и два, и три
Мы прекрасные календари
Мы летим мимо вас
Мы поем, поем
Вот наших сердец водоем.

Сцена 7

НАТАША. Я достигла предела. Как голову отделить мне от тела? Этого требует моя роль. Я пила, но мне не помог алкоголь
ПЕТР. Голова от тела легко отделима, но хочешь ли ты быть членима?
НАТАША. Я желаю остаться целой.
ПЕТР. В этом случае место твое за сценой.
НАТАША. Нет, пусть же кто-то другой – будет моей головой.
ПЕТР. Это неплохая идея. Соберем ассамблею.

Выходят все прочие герои.

АССАМБЛЕЯ. Мы собрались.
ПЕТР. Нам нужен новый герой. Кто хочет быть ее головой?
ДВОЕ МУЖЧИН. Мы головой быть не можем, нас двое этим и подытожим.
МУЖЧИНА В КОЖАННОМ ПЛАЩЕ. Я бы мог, но на моем теле кожаный плащ, я боюсь неудач.
СОСЕД. Я бы мог, но я мужчина. Быть женской головой для моей хрупкой психики непереносимо.
СОСЕДКА. Осталась я одна, к чему слова? Я собака Вера, все вокруг меня серо.
ПЕТР. Вот он выбор как таковой – вам и быть головой.
СОСЕДКА. Как же холодно в зале, что вы, Петр, сказали.
ПЕТР. Но что же, друзья, я доволен вполне. Оставим их наедине.

Все кроме НАТАШИ и СОСЕДКИ уходят.

ГОЛОВА. Я - голова?
ТЕЛО. Я – тело.
ГОЛОВА. А где мы по идее находимся?
ТЕЛО. В гробу.
ГОЛОВА. Так написано?
ТЕЛО. Так сказано в тексте.
ГОЛОВА (*осматриваясь*). А гроб где?

ТЕЛО пожимает плечами.

ГОЛОВА. Я волнуюсь, я не знаю своих слов.
ТЕЛО. Говори мои.
ГОЛОВА. Какие из них твои?
ТЕЛО. Я – тело, я – тело, я – тело.
ГОЛОВА. Нет, они мне не подходят. Я не тело, я – голова.
ТЕЛО. Говори любые другие.
ГОЛОВА. Пожар. Паттерн. Пропаганда. Прострация.
ТЕЛО. Ничего не понятно.
ГОЛОВА. Давай поговорим о нас с тобой?
ТЕЛО. Это мне понятно.
ГОЛОВА. Мне кажется, в последнее время мы слишком отдалились друг от друга.
ТЕЛО. Виной тому топор.
ГОЛОВА. Но в этом есть и психологические причины. Я чувствую между нами – забор.
ТЕЛО. Меня немного знобит.
ГОЛОВА. Я склонна связывать это с недостачей общения, практически полным отсутствием банальной коммуникации, связи между нами.
ТЕЛО. У меня вздулся живот.

ГОЛОВА. Естественно! Ведь совершенно очевидно, что наши отношения претерпевают кризис. Но кризис это не плохо. Зачастую он ведет к установлению нового типа отношений. Так сказать на новом уровне.
ТЕЛО. У меня холодеют конечности.
ГОЛОВА. Это все потому, что мы меняемся, мы становимся более совершенными. Это естественный процесс.
ТЕЛО. Я холодею внутри.
ГОЛОВА. Это хорошо, что ты теперь можешь проявлять свои чувства, можешь открыто говорить обо всем, что с тобой происходит. Это свидетельствует о том, что наши отношения действительно налаживаются. Ведь этот кризис нужен лишь для того, чтобы мы научились лучше друг друга чувствовать, лучше слышать друг друга.
ТЕЛО. Кажется, я умираю.
ГОЛОВА. Да, я согласна, кризис, это нечто сродни смерти. Мы умираем в одном облике, и возрождаемся в другом, обновленном. В этом смысл природы, смысл движения самой жизни: от рождения к смерти, от рождения к смерти. Мы этот путь повторяем во всем. Все подвержено этим бесконечным циклам смены одного другим…

ТЕЛО падает замертво. ГОЛОВА продолжает говорить.

Сцена 8

Пустой коридор. Звонит телефон. Никто не берет трубку. В коридоре разгорается пожар.

Сцена 9

Все в комнате, сидят на диване. Все кроме Петра время от времени едят картошку.

ПЕТР. Мне кажется или я чувствую удушение дымом?
МУЖЧИНА В КОЖАННОМ ПЛАЩЕ. Дым естественным образом отсутствует.
СОСЕДКА. Его определенно нет.
СОСОЕД. Не имеется в наличии.
НАТАША. Иначе бы мы все задохнулись.
ПЕТР. Я задыхаюсь.
МУЖЧИНА В КОЖАННОМ ПЛАЩЕ. Это ваше воображение.
СОСЕД. Разве можно в наше время этому доверять?
ДВОЕ МУЖЧИН. Нельзя. Нельзя.
СОСЕД. Вот то-то же.

Пауза. Всем плохо, все кроме Петра это скрывают.

ПЕТР. Может, стоит посмотреть, что там?
МУЖЧИНА В КОЖАННОМ ПЛАЩЕ. Не ходите, там все понятно.
ДВОЕ МУЖЧИН. Там все очевидно.
СОСЕД. Там ничего нет.
СОСЕДКА. Вы же сами это понимаете.
НАТАША. Иначе бы мы все сомневались бы в этом.
ПЕТР. У меня глаза режет.
МУЖЧИНА В КОЖАННОМ ПЛАЩЕ. Это ваша впечатлительность.
СОСЕД. Визуальная чувствительность.
СОСЕДКА. Вы тонкий человек, ранимый. Вам свойственно ошибаться.
ДВОЕ МУЖЧИН. Все именно так.

Пауза. Всем еще хуже.

ПЕТР. Дышать нечем, надо открыть окно *(порывается открыть окно, его останавливают*).
МУЖЧИНА В КОЖАННОМ ПЛАЩЕ. Не надо, просквозит.
СОСЕД. Продует. Просвищет. Прохватит. Брось.
СОСЕДКА. У меня ребенок, подумайте о других.
ДВОЕ МУЖЧИН. Окно открывать ни к чему, вдруг там тоже дышать нечем.
МУЖЧИНА В КОЖАННОМ ПЛАЩЕ. А там ведь и нечем. Ведь если здесь – есть чем, то там-то нечем. Мир-то дуален.
ДВОЕ МУЖЧИН. Чем - нечем, чем - нечем.
СОСЕД. Тут белое, там – черное. Тут прибудет, там убудет. Закон природы.
ПЕТР. Я уже ничего не вижу.
МУЖЧИНА В КОЖАННОМ ПЛАЩЕ. А что вам надо видеть? Мы тут, с вами.
СОСЕД. Это ваша мнительность.
МУЖЧИНА В КОЖАННОМ ПЛАЩЕ. Ловушки ума. Отбросьте свой самонадееный ум, послушайте сердце.
СОСЕДКА. Сердце ближе к народу, к простым людям.
ДВОЕ МУЖЧИН. Будь проще и люди потянуться.
СОСЕД. Мы уже потянулись, остальные следом.
ПЕТР *(Наташе).* А ты чего молчишь?
НАТАША. А я задыхаюсь.

Сцена 10.

НАТАША лежит в большой колыбели, ПЕТР ее укачивает, как дитя. Он обессилен. МУЖЧИНА В КОЖАННОМ ПЛАЩЕ собирает разбросанных по полу пупсов, складывает в коробку. СОСЕДКА ходит вокруг колыбели, подвывает какую-то песню себе под нос. Сосед роется в шкафу, в коробках, - везде, достает вещи, рассматривает, что-то запихивает в карманы, что-то решает на плечо, что-то складывает возле себя и в целлофановый пакет.

ПЕТР. Спи, Наташа. Спи, хорошая, ничего не случилось. Скоро будет елка. Я куплю тебе конфет.
СОСЕД. Ну так, а что это? Старье. Старье сюда *(прячет в целлофановый пакет)*.
ПЕТР. Это не старье.
СОСЕД. Видал, старье какое - само в руках рвется (*с силой рвет*), труха. Я тебе сейчас как помогу, все почищу! Новую жизнь запущу. А старье надо выбрасывать. Фен-шуй хуле.
СОСЕДКА. Не трожь, падла *(СОСЕД никак на нее не реагирует сейчас и далее)*
ПЕТР. Мне все это нужно.
СОСЕД. Ты чего? Зачем здоровому молодому мужику это? Избавляться от всего. Материальное сжирает душу человека, понимаешь? Вот ты че-то там раз, два, собрал, хранишь, а уже все - в игольное ушко с этим не пролезешь – зависимость! Так вот бог дал, бог взял. Надо легко все, раз и как не было. И это вот я тоже себе заберу, ни к селу, ни к городу тут стоит. Та-а-а-ак, а что еще (*осматривается*)?
СОСЕДКА. Не трожь, говорю.
МУЖЧИНА В КОЖАННОМ ПЛАЩЕ. А пупсы к чему?
ПЕТР. В спектакль нужны. Елку сделать хочу.

Сосед сворачивает половую дорожку.

СОСЕД. Слышь, и кладовку отписать мне надо. Тебе нужна аскеза, минимализм. Чем меньше места, тем полет души быстрее, выше, сильнее.
СОСЕДКА. Не трожь, сволота.

Петр не реагирует.

МУЖЧИНА В КОЖАННОМ ПЛАЩЕ. Из пупсов елку?
СОСЕД (*лезет в кладовку*)? Да тут хлам сплошной. Я сейчас все выброшу, ремонт сделаю, потом раз и поселю кого-нить, у тебя там просторно. Вот и бизнес на старость, вуаля.
ПЕТР. Да, только не пойму как. Они не лежат в форме елки, разваливаются.
МУЖЧИНА В КОЖАННОМ ПЛАЩЕ. Так надо их на штырь надеть, а остальных склеить, чтоб не двигались вообще (*достает из коробки какую-то заостренную палку)*
СОСЕД. Это вот забираю.

СОСЕДКА на него шипит, но бездействует.

ПЕТР (*крутит в руках палку*). На штырь – это проткнуть?
МУЖЧИНА В КОЖАННОМ ПЛАЩЕ. Ну да.
ПЕТР. Нет, я не могу, они ж не мои, дочки.
МУЖЧИНА В КОЖАННОМ ПЛАЩЕ. По-другому никак. Стержень должен быть, который держать будет. Сила, стабильность.
ПЕТР. Не может быть, что по-другому никак. Может, как-то их друг за друга зацепить?
СОСЕД. Да чего вы тут мнетесь? Вот так и все *(берет пупса и протыкает)*. Тут делов-то, сейчас быстро все сделаем, ты только смотри.

СОСЕД быстро хватает пупсов одного за другим, хватает палку, протыкает еще несколько, ПЕТР выхватывает пупсов, палку. СОСЕД еще какое-то время продолжает хватать пупсов. так как будто хочет раззадорить Петра. Петр бьет его по руке, СОСЕД осекается.

ПЕТР. Уходите!
СОСЕД. Эй, ты чего?
ПЕТР. Убирайтесь, все! Сейчас же.
МУЖЧИНА В КОЖАННОМ ПЛАЩЕ. Я же от чистого сердца помочь хотел.
СОСОЕДКА. А что я?
ПЕТР. Пошли вон из моего дома!
МУЖЧИНА В КОЖАННОМ ПЛАЩЕ. Нет, ну так же нельзя.
СОСЕДКА. Как-то не цивилизованно.
ПЕТР (*сильно сдерживая себя).* Я вас очень прошу, покиньте мой дом. Я не могу больше.
СОСЕД. Я дорожку прихвачу.

СОСЕД берет дорожку, все выходят, ПЕТР идет за ними, плотно закрывает дверь.
Идет к столу с пупсами и палкой. Снимает с палки проткнутых пупсов, отбрасывает палку в сторону, лезет в коробку с игрушками, долго роется, находит в ней конусообразную пластмассовую конструкцию со множествами отсеков. Это, по всей видимости, когда-то была ракета, теперь от нее остался только скелет. ПЕТР устанавливает «ракету» на стол, аккуратно просовывает в каждый отсек по пупсу. Конструкция готова. Выключает свет, светит фонариком на конструкцию – на стене мы видим силуэт елки.

Петр включает свет. На столе по-прежнему стоит остывшая картошка.

Петр садится и ест картошку.

Сцена 11

Каким-либо доступным режиссеру способом звучит последняя сцена пьесы Александра Введенского «Елка у Ивановых»

Картина девятая, как и все предыдущие, изображает события, которые происходили за шесть лет до моего рождения или за сорок лет до нас. Это самое меньшее. Так что же нам огорчаться и

горевать о том, что кого-то убили. Мы никого их не знали, и они всё равно все умерли. Между третьим и четвертым действием прошло несколько часов. Перед дверями плотно прикрытыми, чисто умытыми, цветами увитыми стоит группа детей. На часах слева от двери 6 часов вечера.

П е т я П е р о в (мальчик 1 года). Сейчас откроют. Сейчас откроют. Как интересно. Елку увижу.

Н и н а С е р о в а (девочка 8 лет). Ты и в прошлом году видел.

П е т я П е р о в (мальчик 1 года). Видел, видел. Но я не помню. Я же еще мал. Еще глуп.

В а р я П е т р о в а(девочка 17 лет). Ах елка, елка. Ах елка, елка. Ах елка, елка.

Д у н я Ш у с т р о в а (девочка 82 лет). Я буду прыгать вокруг. Я буду хохотать.

В о л о д я К о м а р о в (мальчик 25 лет). Нянька я хочу в уборную.

Н я н я. Володя, если тебе нужно в уборную, скажи себе на ухо, а так ты девочек смущаешь.

М и ш а П е с т р о в (мальчик 76 лет). А девочки ходят в уборную?

Н я н я. Ходят. Ходят.

М и ш а П е с т р о в (мальчик 76 лет). А как? Как ходят? И ты ходишь?

Н я н я. Как надо так и ходят. И я хожу.

В о л о д я К о м а р о в (мальчик 25 лет). Вот я уже и сходил. Вот и легче стало. Скоро ли нас пустят.

В а р я П е т р о в а(девочка 17 лет. Шепчет). Няня. Мне тоже нужно. Я волнуюсь.

Н я н я (шепчет). Делай вид, что ты идешь.

М и ш а П е с т р е в (мальчик 76 лет). Куда ж бы она с вами пошла.

Д е в о ч к и (хором). Туда, куда царь пешком ходит.

(Плачут и остаются).

Н я н я. Дуры вы. Сказали бы, что идете на рояли играть.

П е т я П е р о в (мальчик 1 года). Зачем ты их учишь врать. Что толку в таком вранье. Как скучно жить, что бы вы там ни говорили.

Вдруг открывается дверь. В дверях стоят родители.

П у з ы р е в — о т е ц. Ну веселитесь. Что мог то и сделал. Вот ель. Сейчас и мама сыграет.
П у з ы р е в а — м а т ь (садится без обмана к роялю, играет и поет).
Вдруг музыка гремит
Как сабля о гранит.
Все открывают дверь
И мы въезжаем в Тверь.
Не в Тверь, а просто в зало,
Наполненное елкой.

Все прячут злобы жало,
Один летает пчелкой,
Другая мотыльком
Над елки стебельком,
А третий камельком,
Четвертая мелком,
А пятый лезет на свечу,
Кричит, и я, и я рычу.

П е т я П е р о в (мальчик 1 года). Елка я должен тебе сказать. Какая ты красивая.

Н и н а С е р о в а (девочка 8 лет). Елка я хочу тебе объяснить. Как ты хороша.

В а р я П е т р о в а(девочка 17 лет). Ах елка, елка. Ах елка, елка. Ах елка, елка.

В о л о д я К о м а р о в (мальчик 25 лет). Елка я хочу тебе сообщить. Как ты великолепна.

М и ш а П е с т р о в (мальчик 76 лет). Блаженство, блаженство, блаженство, блаженство.

Д у н я Ш у с т р о в а (девочка 82 лет). Как зубы. Как зубы. Как зубы. Как зубы.

П у з ы р е в — о т е ц. Я очень рад, что всем весело. Я очень несчастен, что Соня умерла. Как грустно, что всем грустно.

П у з ы р е в а — м а т ь (поет).

А о у е и я

БГРТ

(не в силах продолжать пение плачет).

В о л о д я К о м а р о в (мальчик 25 лет. Стреляет над ее ухом себе в висок). Мама не плачь. Засмейся. Вот и я застрелился.

П у з ы р е в а — м а т ь (поет). Ладно не буду омрачать ваше веселье. Давайте веселиться. А все-таки бедная, бедная Соня.

П е т я П е р о в (мальчик 1 года). Ничего, ничего мама. Жизнь пройдет быстро. Скоро все умрем.

П у з ы р е в а — м а т ь. Петя ты шутишь? Что ты говоришь?

П у з ы р е в — о т е ц. Он кажется не шутит. Володя Комаров уже умер.

П у з ы р е в а — м а т ь. Разве умер.

П у з ы р е в — о т е ц. Да конечно же. Ведь он застрелился.

Д у н я Ш у с т р о в а (девочка 82 лет). Я умираю, сидя в кресле.

П у з ы р е в а — м а т ь. Что она говорит.

М и ш а П е с т р о в (мальчик 76 лет). Хотел долголетия. Нет долголетия. Умер.

Н я н ь к а. Детские болезни, детские болезни. Когда только научатся вас побеждать. (Умирает).

Н и н а С е р о в а (девочка 8 лет. Плачет). Няня, няня что с тобою. Почему у тебя такой острый нос.

П е т я П е р о в (мальчик 1 года). Нос острый, но все-таки нож или бритвы еще быстрее.

П у з ы р е в — о т е ц. Двое младших детей у нас еще остались. Петя и Нина. Что ж, проживем как-нибудь.

П у з ы р е в а — м а ть. Меня это не может утешить. Что, за окном солнце?

П у з ы р е в — о т е ц. Откуда же солнце, когда сейчас вечер. Будем елку тушить.

П е т я П е р о в. Умереть до чего хочется. Просто страсть. Умираю. Умираю. Так, умер.

Н и н а С е р о в а. И я. Ах елка, елка. Ах елка, елка. Ах елка. Ну вот и все. Умерла.

П у з ы р е в — о т е ц. И они тоже умерли. Говорят, что лесоруб Федор выучился и стал учителем латинского языка. Что это со мною. Как кольнуло сердце. Я ничего не вижу. Я умираю.

П у з ы р е в а — м а т ь. Что ты говоришь. Вот видишь, человек простонародный, а своего добился. Боже какая печальная у нас елка. (Падает и умирает.)

К о н е ц д е в я т о й к а р т и н ы, а в м е с т е с н е й.

и д е й с т в и я, а в м е с т е с н и м и в с е й п ь е с ы.

На часах слева от двери 7 часов вечера.

ФИНАЛ.

июль, октябрь 2013, февраль-1 июня 2014

Постановка и любое иное использование пьесы невозможно без согласия автора.
По вопросам использования текста обращайтесь: malininakira@gmail.com